

Об одной подписи и обо всём остальном

*Предисловие, которое
я откладывал дольше всего.*

В этой книге почти всё — неправда.

Директор завода, который не плакал сорок лет? Выдуман. Монах в кирзачах? Его не существует. Библиотекарь, который ненавидит тишину? Плод воображения. Кабинет с пуфом, тазом и тремя щётками? Я никогда его не оборудовал. Сессии, длящиеся ровно час? Ни одной не провёл.

Я — священник, описывающий метод, которым не пользовался. Истории, которых не случилось. Исцеления, которым не был свидетелем.

Зачем?

Потому что художественный вымысел иногда честнее отчёта. Потому что я хочу, чтобы вы почувствовали — раньше, чем начнёте спорить. Потому что правда не в том, было или не было. Правда в том, что могло бы быть. Должно бы быть. Когда-нибудь будет — если не мной, то кем-то из вас.

Я собрал эту книгу из тысяч обрывков. Из исповедей, которые я слышал. Из слёз, которые вытирал. Из молчания, в котором учился стоять. Переплавил всё это в горне воображения и отлил в истории, которые, надеюсь, попадут не в голову — в живот, в позвоночник, в стопы.

Так что не ищите в этих страницах репортажной точности. Её нет.

Поэтому не спрашивайте меня: «А было ли это на самом деле?»

Я отвечу так: история про отказную — была. Всё остальное — нет. Но если вы закрыли книгу и захотели мыть чужую обувь — значит, неправда оказалась полезнее правды. И Бог, Который смотрит на наши руки, улыбнулся.

От автора, написанное сидя на пуфе

Эту книгу я писал не за столом. Я писал её на пуфе, между сессиями, пока вода в тазу остывала. Буквы выходили кривыми, потому что пальцы привыкли держать щётку, а не ручку.

Я священник. И я чистильщик обуви.

Когда я говорю это вслух, коллеги смеются. Потом перестают смеяться. Потом крестятся. Потом уходят и не возвращаются. Люди сначала обижаются: «Батюшка, вы что, нас за грязных считаете?» А потом тихо приходят. С запиской. С надрывом. С ботинками, которые не чистили годами.

Я не придумал ничего нового. Христос омывал ноги. Диаконы в древней Церкви мыли ноги путникам. Святые отцы говорили о «нижнем служении». Но мы, священники XXI века, разучились опускаться. Мы стоим на амвоне, сидим в кресле, ездим на машинах. Наши руки пахнут ладаном и — редко — мылом.

Эта книга — не учебник. Это исповедь. Исповедь человека, который понял, что его пастырское служение не только в храме, но и с щёткой в руках.

Если вы священник — прочитайте её с карандашом. Если вы мирянин — прочитайте её с молитвой о вашем пастыре. Если вы ни тот, ни другой — прочитайте её просто как историю о том, как один человек решил перестать врать.

Часть 1.

РОЖДЕНИЕ ЧИСТИЛЬЩИКА

Глава 1.

Почему я взял щётку

Из дневника чистильщика. До начала.

«Сегодня я служил литургию. Всё как обычно. Женщина по имени Ольга плакала на исповеди: муж пьёт, дети не слушаются, свекровь доводит. Я сказал ей стандартное:

— Молись, Господь не попустит больше, чем ты можешь понести.

Она кивнула, утёрла слёзы и ушла. Через час я увидел её у ларька с пивом. Она пила. Одна. Смотрела в землю. Я прошёл мимо. Не знал, что сказать. Вернулся в алтарь, сел на пол и заплакал. Потому что понял: я несу людям слова, а они пьют пиво. Потому что слова кончаются. А боль — нет».

Я был обычным священником. Алтарь, исповедь, требы, приход. Я служил литургии, читал проповеди, крестил младенцев, отпевал стариков. Всё как положено. Люди меня любили, начальство не ругало. Всё было хорошо.

Кроме одного. Я чувствовал пустоту. Тонкую, как лезвие бритвы. Она ложилась между моими словами и жизнью людей.